Дмитрий Каранов

Евангелическо-лютеранская церковь и этническая идентичность ингерманландских финнов в XIX в.

Dmitry Karanov

Evangelical Lutheran Church and the Emergence of Ethnic Identity of the Ingrian Finns in the Nineteenth Century

Dmitry Karanov — Senior Lecturer, Department of Conflicts Studies, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (Russia). karanov@inbox.ru

The article, drawing partly on unpublished archival documents, considers causes and directions of the impact of the Evangelical Lutheran Church on the formation of the Ingrian Finnish ethnic identity in the St. Petersburg province of the Russian Empire in the nineteenth century. The 1832 Charter of the Evangelical Lutheran Church in Russia became the basic legal document defining its particular goals and responsibilities before the secular authorities. One of the main ideas was to strengthen the role of Lutheranism in the life of the Finnish peasants. The church, willingly or not, created conditions for the consolidation and promotion of the Ingrian identity of the Finns. It also led to the emergence of the Ingrian intelligentsia who elaborated the meaning of Ingrian identity.

Keywords: Lutheran, Evangelical Lutheran Church, the Ingrian Finns, the Finns of St.Petersburg, the construction of ethnic identity, Ingrian identity.

Каранов Д. Евангелическо-лютеранская церковь и этническая идентичность ингерманландских финнов в XIX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 198–217.

Karanov, D. (2015) «Evangelical Lutheran Church and the Emergence of Ethnic Identity of the Ingrian Finns in the Nineteenth Century», *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33 (2): 198–217.

Проблема формирования этнических и национальных групп в различные исторические периоды требует скрупулезного изучения как объективных, так и субъективных факторов. В поле зрения исследователей попадают персоналии, группы и институты, прямо или косвенно участвовавшие в возникновении и устойчивом сохранении оснований для этнической самоидентификации членов изучаемой общности. Предметом исследования в таком случае становятся национальная политика государства, национальные периодические издания, школьная система, национальная учебная литература (прежде всего учебники истории), народные праздничные мероприятия, «нациетворческая» деятельность интеллигенции и т. д. Данная работа посвящена роли церкви в становлении идентичности ингерманландских финнов — финского населения лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии.

Ингерманландских финнов как этническую группу, состоящую из двух подгрупп или субэтносов — *эурямейсет* (*äyrämöiset*) и *саваkот* (*savakot*), — впервые описал Андреас Шегрен в 1833 г.[1] Он отмечал существование заметной этнической границы между этими подгруппами, которая выражалась в языковых, материально-культурных и психологических различиях. При этом они отличались от финнов Финляндии специфическим поведением во время церковных служб (прихожане стояли во время мессы, часто осеняли себя крестным знамением), языковым своеобразием (говорили на т. н. ингерманландском диалекте финского языка), предметами материальной культуры (в том числе одеждой) и пониманием своей инаковости[2].

К концу XIX в. определение, кто принадлежит к *эурямейсет*, а кто к *саваkот*, стало проблематичным. Финны не идентифицировали себя с этими группами, а среди них получили распространение этнонимы «ингерманландские финны» (*inkerinsuomalaiset*) и «ингерманландцы» (*inkeriläiset*). Этот процесс был связан с воздействием ряда факторов[3], причем ключевым из них была деятельность важнейшего института в жизни финнов — Евангелическо-лютеранской церкви, которая до 1832 г. пребывала

1. Sihvo, P. (1991) «Savakoita, äyrämöisiä, inkerikoita», in P. Nevalainen and H. Sihvo (eds) *Inkeri: historia, kansa, kulttuuri*, p. 179. Helsinki
2. Matley, I. (1979) «The Dispersal of the Ingrian Finns», *Slavic Review* 38 (1): 4
3. *Каранов Д. П.* Культурное развитие ингерманландских финнов на рубеже XIX–XX вв.: факторы этнокультурного роста // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 153 (1). С. 7.

в неорганизованном состоянии, а финны-ингерманландцы (точнее эурямейсет и савакот или, что более правдоподобно, масса финноязычных групп, проживавших на территории лютеранских приходов) тяготели к языческим убеждениям.

Формирование ингерманландской идентичности стало возможным только в XIX в. благодаря появлению институтов, распространявших однотипные представления и знания среди финского населения Санкт-Петербургской губернии. Эта информация способствовала укоренению в сознании финнов убежденности в собственном единстве. Например, к таким знаниям принадлежит миф о том, что ингерманландские финны произошли от финнов-лютеран, мигрировавших из Финляндии в XVII в. Их переселение было инициировано политикой Швеции, получившей эти земли после подписания Столбовского мирного договора (1617 г.)[4].

Финнов-переселенцев от финно-угорских народов Ижорской земли отделяла, по мнению финноугроведов, принадлежность к лютеранской конфессии[5]. В сборнике «Прибалтийско-финские народы России» составители пишут об этом так: «Лютеранство влекло за собой и определенную изолированность местных финнов от других народов края, которые в своей подавляющей массе были православными (за исключением лишь немногочисленных эстонских переселенцев и немецких колонистов)»[6]. Таким образом, и ингерманландские финны, и их предки — финские мигранты-переселенцы, обозначались как лютеране.

В действительности историки очень мало знают о социальном и половом составе финнов-переселенцев, об их ценностях и религиозных воззрениях. Были ли это семьи или группы одиноких индивидов? Преобладали ли среди них мужчины? Если в Ингерманландию переселялись в основном мужчины, то им необходимы были спутницы жизни: находили ли они их среди местных девушек или искали жен в Финляндии? Местные финно-угор-

4. *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. Кишинев; СПб.,2001. С. 17.

5. *Чистяков А. Ю.* Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 «История». 2004. Вып. 3–4. С. 109; *Казьмина О. Е., Шлыгина Н. В.* Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 107.

6. Прибалтийско-финские народы России / Под. ред. Е. И. Клементьева, Н. В. Шлыгиной. М.: Наука, 2004. С. 514.

ские группы — ижоры и водь, как известно, были православными, но в какой мере? Нет сомнения, что браки между переселенцами и местными жителями случались, но тогда как воспитывали детей и в рамках какой религиозной системы ценностей — языческой, православной или лютеранской? Ответов на эти вопросы пока нет.

Любопытный сюжет иллюстрирует статья, опубликованная в пятом томе «Очерков России» в 1842 г. В ней рассказывается о поверьях и обычаях финнов, живших в Санкт-Петербургской губернии. Автор книги, Вадим Пассек, писал:

> Лет 60 назад на границах Новгородской губернии в приходе Лисино, на холме рос можжевеловый лесок и в середине его большое можжевеловое дерево. Крестьяне соседней деревни огородили плетнем холм и приносили дереву, как жертву, первые зерна жатвы, — первое молоко родильницы, первое молоко отелившейся коровы, пищу и вино, назначенные для праздников. Все это соблюдалось с большой строгостью, пока лютеранское духовенство не срубило дерева[7].

Далее автор продолжает: «Подобное же поверье существовало в Ораниенбаумском округе, и вообще названия многих деревень напоминают имена местных богов»[8].

Приведенный выше случай поклонения можжевеловому дереву относится к последней четверти XVIII в. Сам факт существования данного обряда указывает на то, что местное финское население тяготело к архаичным дохристианским представлениям. К такому же выводу в своем анализе приходит А. Ю. Чистяков. Ссылаясь на историка Ф. О. Туманского, он пишет о «повсеместном поклонении святым рощам и отдельным деревьям»[9].

Почему крестьяне не препятствовали вырубанию священных деревьев? Даже если негативная реакция имела место, она не была массовой. Скорее всего, священники пользовались непререкаемым авторитетом в глазах финнов-крестьян, и это было обусловлено не только их сакральными функциями, но и несо-

7. *Пассек В.* Очерки России. Книга 5. М.: 1842. С. 121.
8. Там же. С. 121.
9. *Чистяков А. Ю.* Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX–XX вв. С. 114.

измеримо более высоким уровнем образования и социальным статусом.

Особое положение делало пасторов важными акторами в локальных социальных системах финнов Санкт-Петербургской губернии. Пасторы становились посредниками в решении споров и конфликтов, выполняли функцию «последней инстанции», а иногда принимали участие в наказании провинившихся. Найден уникальный документ, свидетельствующий о применении средств физического воздействия к прихожанам по решению (или с согласия?) лютеранских пасторов. Это письмо от Управления Санкт-Петербургской Гражданского Губернатора канцелярии к Царскосельскому земскому суду, датированное 28 февраля 1847 г. В нем идет речь об обнаружении в одном из приходов запрещенных орудий наказания: «по частному делу обнаружилось, что при церкви Молосковицкого лютеранского прихода… находится колода (колодки. — Прим. авт.): а из отзыва… видно, что до 1833 г. в Лютеранских церквях употреблялось сие орудие по распоряжению пасторов и церковных старост…»[10]. То есть до реформы Закариаса Сигнаеуса (см. ниже) использование средств физического принуждения по решению пастора или сельского старосты было обычной практикой.

Из текста письма становится понятно, что информация об использовании колодок дошла до министра внутренних дел Льва Алексеевича Перовского, который, в свою очередь, воспринял ее негативно и повелел как можно скорее ликвидировать этот «пережиток» (здесь и далее орфография и особенности стиля оригинальных документов сохранены):

> Министр внутренних дел имеет ввиду, что подобные колодка (sic!) признаны законами нашими родом пытки, и потому… запрещены даже в местах заключения арестантов, предложил протестантской Генеральной консистории, немедленно сделать зависящее от нее распоряжение к истреблению могущих быть при церквах ее ведомства колодка и всяких подобных орудий[11].

Министр внутренних дел также распорядился провести воспитательную беседу с пасторами, разъяснив им, что «они отнюдь

10. Об истреблении колодок, применяемых распоряжением пасторов и старост лютеранских церквей для наказания крестьян // ЦГИА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

11. Там же. Л. 1 об.

не имеют права подвергать прихожан за какие бы то ни было проступки не только телесным наказаниям, но даже аресту: ибо на основании существующих законов право сие принадлежит одной гражданской власти»[12].

Несмотря на то что данное письмо не дает ясного представления об инициаторе физического насилия — исходила ли инициатива наказания от пастора или от сельской общины, — интересен сам факт участия лютеранских священнослужителей в подобных наказаниях. Он позволяет судить о реальной власти пастора над паствой, которая не осталась незамеченной со стороны государства.

Специфика взаимоотношений пастора и паствы в лютеранских общинах, по всей видимости, была известна церковному начальству и окружению императора Александра I. Ряд значимых причин (вхождение Финляндии в состав империи, увеличение количества лютеран и т. д.), на фоне традиционной лояльности семьи Романовых к лютеранам, усилили потребность в реформировании Лютеранской церкви.

Проблема положения протестантских общин на территории империи очень интересовала Александра I. В письмах и беседах с современниками он часто озвучивал желание навести порядок в лютеранской церкви. В 1819 г. император пишет графу Карлу Ливену, что хочет создать епископскую кафедру, и ему нужен подходящий для этого человек[13]. Выбор пал на епископа Порво Закариаса Сигнаеуса.

Сигнаеус был приглашен императором в Санкт-Петербург, где в 1820 г. занял должность епископа Евангелическо-лютеранской церкви. Функционирование церкви в ингерманландских приходах епископ оценил как неудовлетворительное и энергично взялся за наведение порядка. Интересно, что будущий академик, основоположник финно-угроведения Андреас Шегрен, впервые описавший ингерманландских финнов, работал в 1820-е гг. в семье епископа Сигнаеуса домашним учителем[14].

Епископу З. Сигнаеусу было важно подчинить пасторский авторитет церковной организации и интересам государства, кон-

12. ЦГИА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об. — 2

13. *Сеппонен Э.* Как в Санкт-Петербурге появился лютеранский епископ // Славянское лютеранство [http://skatarina.ru/library/lutvros/spbep. htm, доступ от 14.03.2015].

14. Forsius, A. «Zacharias Cygnaeus (1763–1830) — piispa, hallintomies ja kulttuurihenkilö» [http://www.saunalahti.fi/arnoldus/cygnaeus. html, accessed on 14.03.2015].

кретизировать функциональные обязанности лютеранского духовенства, а также усилить борьбу с языческими пережитками и сектами. Решить эти и другие задачи можно было с помощью создания нормативно-правового основания функционирования церкви, чем и стал Устав Евангелическо-лютеранской церкви.

Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России был подписан в 1832 г. Николаем I, уже после смерти епископа Закариаса Сигнаеуса (1830 г.)[15]. В соответствии с Уставом, высшим органом Евангелическо-лютеранской церкви была Генеральная консистория[16]. Сама церковь делилась на консистории, во главе с генералами-суперинтендантами. Выделялись следующие консистории: Санкт-Петербургская, Московская, Курляндская, Лифляндская, Ревельская, Рижская, Эзельская и Эстляндская[17]. Консисториальные округа, в свою очередь, делились на пробства, во главе которых стояли пробсты. Ингерманландские финны проживали на территории трех пробств — Шлиссельбургского, Восточноингерманландского и Западноингерманландского[18]. На самом низком уровне церковной иерархии находились приходы, управление которыми осуществляли пасторы и их помощники — кистеры.

Устав включал в себя одиннадцать глав. Первые две главы имели общий характер: первая была посвящена статусу лютеранской веры в России, а вторая — принципам богослужения. Остальные девять глав раскрывали важнейшие вопросы, связанные со структурой церкви, управлением церковным имуществом, с порядком заключения браков прихожан, учетом родившихся и умерших, определением условий избрания на различные должности в церковной иерархии, исполнением сотрудниками своих должностных обязанностей и т. д. Кроме того, Устав содержал положения, предписывавшие священнослужителям определенным образом влиять на формирование мировоззрения прихожан, наделяя пасторов соответствующей властью. Если говорить о влиянии церкви на этническую самоидентификацию финнов-лютеран, наибольший интерес представляют статьи о конфирмации, об условиях заключения брака между прихожанами, о посещени-

15. *Курило О. В.* Очерк по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1996. С. 47.

16. Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России; Наказ духовенству и начальствам Евангелическо-лютеранской церкви в России; Указ Правительствующему сенату: [Утв. 28 дек. 1832 г.]. СПб, 1832. С. 17 (об.).

17. *Курило О. В.* Очерк по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). С. 47.

18. О пробстских округах и пробстах// РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 827.

ях священнослужителями сельских школ и их связи с подразделениями Министерства внутренних дел.

Значению и порядку прохождения конфирмации посвящены статьи 31, 32, 33 и 34. В статье 31 говорится, что «принадлежащие к Евангелическо-лютеранской церкви юноши и девицы имеют, до приобщения Св. Таин, быть наставляемы в Законе Божием и надлежащим образом конфирмируемы»[19]. Под конфирмацией в документе понимается процедура признания юношей и девушек полноправными членами общества. Для обретения нового статуса юноши и девушки, в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет, должны были сдать экзамен пастору. Требования описаны в статье 34: «Конфирмируемые должны по крайней мере уметь читать и твердо знать главные догматы и постановления своей церкви»[20]. Таким образом, процедуру конфирмации должны были проходить все юноши и девушки, достигшие определенного возраста, умевшие читать и знавшие основы лютеранской веры, т. е. ставшие к моменту прохождения конфирмации грамотными лютеранами.

Конфирмация в Уставе определена как обязательная процедура для всех юношей и девушек лютеранского вероисповедания. Однако возникает закономерный вопрос: что было с теми, кто не прошел конфирмацию, кто не смог подтвердить свои знания о собственной религии или не захотел это сделать? Ответ на этот вопрос мы находим в главе 4 «О браках». В статье 66 закреплялись необходимые условия для брака между лютеранами:

> В Евангелическо-Лютеранской Церкви в России никто не может быть обручен и сочетаем браком прежде достижения лицами мужескаго пола 18-ти летняго, а лицами женскаго пола 16-ти летняго возраста. Сверх того наблюдается, чтобы вступающие в брак были уже конфирмованы и приобщены Св. Таин[21].

Вступавшие в брак и конфирмовавшиеся, также как и рожденные и умершие, регистрировались в специальных журналах пастором, который выполнял работу по учету изменения социального статуса членов лютеранской общины. Право на брак могло быть реализовано только при условии умения читать и знания ос-

19. Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России. С. 2.

20. Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России. С. 2.

21. Там же. С. 4.

новных положений веры. Епископ Закариас Сигнаеус, таким образом, создал социальную потребность в конфирмации, предотвратив нежелание местного населения проходить эту процедуру: неконфирмованные не могли быть обручены, т. е. не могли стать законными супругами.

Помимо этого, Устав утвердил общие функциональные обязанности пасторов. Часть из них, как упоминалось ранее, была связана с учетом населения, другая — с контролем над ним. В статье 189 в обязанность пасторов возводилось посещение сельских школ и контроль за религиозной грамотностью прихожан:

> Проповедники должны тщательно посещать сельские школы и наблюдать за религиозным образованием юношества, как в оных, так и вообще в приходах своих. Там где существует или может быть введено обыкновение посещать прихожан в их домах, для испытания их в знании закона Божия, они обязаны, с точностью и как можно чаще употреблять сие весьма полезное средство для просвещения и нравственного улучшения вверенной им паствы[22].

Пастор, как представитель Евангелическо-лютеранской церкви, был обязан интересоваться духовными познаниями прихожан. В случае же обнаружения у отдельных лиц неправильного понимания тех или иных понятий, библейских историй и притч священнику надлежало исправить это, объяснив заблуждающимся (с точки зрения церкви) предмет их неправоты.

Вышеперечисленные обязательства давали пасторам реальную власть над паствой, делая их проводниками политики Евангелическо-лютеранской церкви и государства. Создатели Устава очень хорошо понимали, какое место занимали пасторы в жизни лютеранских приходов и стремились этот авторитет использовать. Вступление Устава в силу сделало возможным применение авторитета священнослужителей к решению задач государственной политики. Одной из функций священников стала помощь светской власти в снижении сопротивления ее решениям со стороны населения. Так, в статье 196 указывалось:

> Проповедники во всем, что касается до их должности, состоят в ведении одного Духовного начальства; но когда светское Присутственное место требует от них совершения какого-либо Духовного

22. Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России. С. 11.

> действия, как например: увещание закоснелого преступника, приведение к присяге свидетелей и проч., то они обязаны исполнить сие без замедления; однако ж не отлагая за сим общественного Богослужения и исправления не терпящих отсрочки Духовных треб[23].

Другими словами, Устав вменял священникам контроль за конфессиональной принадлежностью прихожан, нормативно утвердив, таким образом, их символическую власть над паствой, в ответ же потребовав обратного — формирования лояльного отношения к светской власти среди лютеран.

Существуют прямые доказательства того, как на практике государство использовало символическую власть пастора для решения конкретных проблем. Таково, например, дело о переселении финских крестьян из деревни Перекюля в 1848 г.

После череды безуспешных попыток переселить крестьян-лютеран д. Перекюля «...за беспокойное поведение против соседей...»[24] светские власти обратились к пастору-пробсту Иоганну Сундбладу. Под «беспокойным поведением» понималось содействие беглым крестьянам, воровство леса у соседей и другие противозаконные действия. Крестьян предлагалось «...переселить в другие соседние с ними Чухонские же деревни Кобринского прихода» [25]. По плану переселения, две семьи должны были отправиться на постоянное местожительство в д. Виркино, четыре семьи в д. Ковшево, две семьи в д. Заборье, одна в д. Мызы и еще одна в д. Валисники[26]. Что касается сельскохозяйственных угодий, то их нужно было «отдать в аренду г. Лярскому за поземельный сбор» [27].

Однако крестьяне д. Перекюля не только не подчинились этим планам, но и оказали всяческое противодействие полиции и местным властям. Особенно выделились Андрей и Яков Степановы, братья Андреевы, Абрам и Иван Абрамовы, Петр и Адам Ивановы, Иван Петров и др.[28] Они письменно обратились за помощью к цесаревичу Александру (будущему Александру II). В Министер-

23. Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России. С. 12.

24. О содействии пасторов гражданским властям в деле переселения крестьян // ЦГИА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

25. Там же. Л. 1 об.

26. Там же. Л. 3 об.

27. Там же. Л. 1 об.

28. Там же. Л. 4.

стве внутренних дел этот смелый шаг перекюльских крестьян вызвал сильное раздражение. Было дано распоряжение этих крестьян «отыскать непременно и наказать розгами за неосновательную просьбу с объявлением всем той деревни крестьянам, чтобы не осмеливались утруждать себя подобными прошениями»[29].

Помочь чиновникам МВД в переселении крестьян должен был пастор Иоганн Сундблад, повлияв на них с помощью своего духовного авторитета. Пристав обращается к нему в письме:

> Для образумления неповинующихся крестьян д. Перекюль оказать мне ваше содействие по долгу звания на вас лежащего, через пасторское им увещание ваше с кафедры во время Божественной службы, потом отправиться в Кобринскую церковь и там также с кафедры растолковать неповиновение 50-ти крестьян[30].

Есть и другие документы, подтверждающие плотное взаимодействие между церковью и государственными органами, причем к 1890-м гг. контроль со стороны государства над деятельностью священнослужителей усилился. Это подтверждают данные переписки отдельных лютеранских пасторов с представителями государства. В приходских книгах исходящих документов есть копии писем, информирующих приставов о проведении богослужений вне помещения церкви. Так, в одном из сообщений, 24 ноября 1893 г. пастор И.-В. Альстед писал приставу 1 стана Царскосельского уезда: «Честь имею уведомлять Вам, Господин Пристав, что 12 декабря 1893 г. намерены мы совершить богослужения в деревне Нерясари (Конецки) Лисинской волости, и предполагаем, что со стороны полиции не встретится препятствий»[31].

Но не только светская власть обращалась за помощью к пасторам: иногда священникам не хватало собственного авторитета. Это убедительно демонстрирует письмо пастора Иохана-Вильгельма Альстеда к приставу 1-го стана Царскосельского уезда, датированное 22 ноября 1890 г. В этом документе коротко описывается история бракоразводного процесса Семена Петровича Кекяле и его жены Екатерины Семеновны Нярванен. Процеду-

29. О содействии пасторов гражданским властям в деле переселения крестьян // ЦГИА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 21. или ЦГИА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 21. Л. 3 об.

30. Там же. Л. 4 об.

31. Копии исходящих документов по разным вопросам и краткий исторический очерк церкви // ЦГИА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 16. Л. 83 об.

ра развода требовала получения от разводящихся лиц письменного свидетельства о безуспешном участии пастора в их примирении. На этот счет пастор пишет: «По поводу бракоразводной жалобы Семена Петрова Кекяле Санкт-Петербургская евангелическо-лютеранская консистория требует от меня свидетельство о безуспешности сделанного с обоими супругами опыта примирения...»[32]. В свою очередь, безуспешность попытки примирения была обусловлена неявкой жены на встречу с пастором: «Призвав несколько раз обоих супругов к себе, жена Семена Кекяле не прибыла и не покоряется тоже местному начальству»[33]. Поэтому пастор обратился к приставу с просьбой доставить обоих супругов к нему:

> Вследствие сего вышесказанного имею честь обратиться с покорнейшей просьбой Вам доставить ко мне на будущей неделе одновременно: крестьянина Семена Петрова Кекяле дер. Пери Лисинской волости с женою Екатериной Семеновной Нярванен, имеющей жительство у родителей в той же волости, дер. Поги[34].

Устав Евангелическо-лютеранских церквей преобразовывал лютеранскую церковь в учетно-контрольный орган государственной власти. Пасторы, в соответствии с церковным законом, становились чиновниками, с широким набором функциональных обязанностей. В компетенцию пастора попадали вопросы, имевшие как бытовой, так и мировоззренческий характер. Заботы о религиозных познаниях прихожан, о прохождении ими всех обязательных учетных процедур, о лояльности к гражданской власти и многом другом стали неотъемлемой частью духовного служения. Но как это связано с главным вопросом нашей работы: почему и как церковь участвовала в создании условий для становления ингерманландской идентичности?

Логично предположить, что лютеранское духовенство не могло быть непосредственным носителем этнической идентичности или «национальной идеи»: ее задачей было формирование именно лютеранской общности и христианских взглядов. То же самое относится и к другим христианским конфессиям. По этому пово-

32. Копии исходящих документов по разным вопросам и краткий исторический очерк церкви // ЦГИА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 16. Л. 49 об.

33. Там же. Л. 49 об.

34. Там же. Л. 49 об.

ду сокрушался французский философ Ж. Бенда: «Поощрение национального партикуляризма, столь неожиданное у интеллектуалов вообще, особенно неожиданно у тех, кого я назвал духовными людьми по преимуществу: у священнослужителей»[35].

Тем не менее участие лютеранских священнослужителей в конструировании ингерманландской идентичности было очевидным. При этом это участие могло быть невольным, неосознанным. Стараясь укрепить позиции лютеранства, церковь, желая того или нет, создавала условия для становления этнической идентичности ингерманландских финнов. Рассмотрим это на нескольких конкретных примерах.

Принятие рассмотренного выше Устава 1832 г. способствовало формированию церковной организации как целостной, многоуровневой системы, и росту числа элементов и подсистем, входящих в нее. На территории трех ингерманландских пробств создавалась и обновлялась церковная инфраструктура, которая включала кирхи, пасторaты, церковно-приходские школы и иные учреждения. Для нормального функционирования системы нужны были кадры, причем для отдельных позиций требовались кадры со специальным образованием.

Например, для работы в церковно-приходских школах требовались педагоги, знавшие как русский, так и финский языки. Для того чтобы их найти, было решено создать учительско-кистерскую семинарию, основной задачей которой была подготовка учителей из среды местного крестьянства. Несмотря на все сомнения, решение о создании семинарии было принято на собрании пасторов в 1860 г.[36] Обучение в семинарии решили сделать бесплатным, а бюджет формировался за счет средств из Кассы взаимопомощи лютеранских приходов и крестьянских пожертвований.

Созданная в 1859 г., Касса взаимопомощи лютеранских приходов была ключевым денежным фондом, за счет средств которого реализовывались образовательные и культурные инициативы[37]. На ее средства строились новые кирхи, школы, пасторaты, оплачивался труд пасторов и канторов, выделялись пенсии и стипендии. За 50 лет было построено около 200 церквей, 350 школ и бо-

35. *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. М.: 2010. С. 136.

36. *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. С. 46.

37. *Халтсонен С.* Укрепление ингерманландской финской церкви в период 1800–1917// История ингерманландских финнов/Под. ред. С. Халтсонена. СПб.: Полторак, 2010. С. 185.

лее 100 пасторатов[38]. Обладание собственным денежным фондом давало церкви относительную самостоятельность и уверенность в реализации своих замыслов.

Открытие Колпанской семинарии состоялось 4 сентября 1863 г. в пос. Малые Колпаны[39]. За более чем 50 лет существования (1863–1919) Колпанская семинария подготовила свыше 250 учителей, составивших ядро ингерманландской интеллигенции. Благодаря существованию данного учебного заведения к 1910-м гг. школьная система в ингерманландских приходах могла сама себя обеспечивать педагогическими кадрами, более не завися в этом отношении от Финляндии.

Но для данного исследования важны не столько количественные показатели работы Колпанской семинарии, сколько ее качественный аспект. Ингерманландские интеллигенты, подготовленные в стенах семинарии, были озабочены вопросом этнической самоидентификации своих соплеменников. В историю ингерманландских финнов вписаны имена интеллигентов, создавших и описавших «идею ингерманландскости»: композитора Моозеса Путро, написавшего гимн *Nouse, Inkeri*! («Вставай, Инкери!»); учителя Абраама Тииснекка, ставшего первым ингерманландским журналистом; кантора Пааво Райккенена, издававшего многие годы народный календарь для финских крестьян; и др. Многие из них работали учителями и канторами, совмещая педагогическую работу с церковным служением.

По образному выражению епископа Л. Хассинена, Колпанская семинария «стала источником света для финнов Ингерманландии»[40]. Встав на путь «возрождения культуры» своего народа (именно так они понимали собственную цель), ингерманландские интеллигенты способствовали консолидации общности под эгидой лютеранской веры[41]. В дальнейшем из их среды выделились интеллигенты-социалисты, критически относившиеся к религии и роли церкви, но этот конфликт начался только в 1907 г., когда был организован выпуск социалистической газеты *Neva*. Для последней четверти XIX в. характерна иная ситуация: ингерман-

38. Там же. С. 186.

39. Tynni, K. (ed.) (1913) *Kolppanan seminaari 1863–1913,* p. 166. Viipuri: Karjalan kirjapaino O. — Y.

40. *Риехкалайнен Ю.* Ингерманландские финны. История и судьба. Петрозаводск: Периодика, 2009. С. 29.

41. *Каранов Д. П.* Роль интеллигенции в этнокультурном развитии ингерманландских финнов и особенности ее формирования // Интеллигенция и мир. 2014. № 3. С. 53.

ландская интеллигенция, воспитанная в стенах Колпанской семинарии, тяготела к лютеранскому духовенству, а ее представители занимали низшую ступень в церковной иерархии.

Не меньшего внимания заслуживает деятельность церкви в начальном школьном образовании. Иногда ее образовательные инициативы резко расходились с интересами государства. Например, в 1864 г. Генеральная консистория предпринимала действия для освобождения детей лютеран северо-запада России от изучения русского языка в церковно-приходских школах[42]. Церкви, конечно, было отказано, но эта попытка демонстрирует наличие собственных, «корпоративных» интересов лютеранского духовенства.

Церковь заботилась о грамотности собственных прихожан, обеспечивая рост количества церковно-приходских школ в ингерманландских приходах. На ее средства со второй половины XIX — начало XX в. было построено свыше 300 школ[43]. Как отмечалось ранее, именно церковь обеспечила церковно-приходские, а затем и народные школы учителями. Неудивительно, что учебная программа и материалы, используемые в обучении, также предлагались Евангелическо-лютеранской церковью. Результатом этого воздействия стало распространение в среде финнов-ингерманландцев убеждения о неразрывной связи между лютеранской верой и «ингерманландскостью».

Важность школьной системы для церкви иллюстрирует следующий пример конца XIX в. В это время государство наращивало усилия по централизации. В процессе передачи церковно-приходских школ под контроль Министерства народного просвещения, в рамках политики русификации, значение Евангелическо-лютеранской церкви в образовании финнов-лютеран было сведено к минимуму. Однако церковь попыталась сохранить хотя бы часть прежнего влияния. В сложившейся ситуации наиболее активные пасторы при помощи пробстов, параллельно образованию в народных школах, стали развивать собственную духовную образовательную систему — сеть воскресных школ.

Первая воскресная школа была открыта молодым пастором Отто Рокканеном в 1874 г.[44] Как правило, в школах преподавали

42. Дело об отказе Генеральной евангелическо-лютеранской консистории в освобождении церковных школ Северо-Западного края от преподавания на русском языке // РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 402. Л. 1.

43. *Халтсонен С.* Укрепление ингерманландской финской церкви в период 1800–1917. С. 186.

44. Mustonen, J. (1938) «Pyhäkoulut Inkerissä», *Suomalainen Inkeri*: 30.

канторы или, в случае, если у них не хватало времени, грамотные крестьяне, изъявившие желание учить детей. При этом воскресная школа могла иметь несколько учителей, которые подменяли друг друга.

Основным учебным предметом в воскресных школах было Слово Божье. На церковных собраниях отмечалось, что основная цель школы — дать азы духовной грамотности ингерманландским детям. Сохранились воспоминания Матти Пенние (*Matti Pönniö*), который родился в 1897 г. и посещал воскресную школу в Лемболовском приходе в начале XX в. Он пишет, что дети учились читать Библию, пели церковные гимны и молились. Когда же он ее окончил, ему, как прилежному ученику, подарили Священное Писание. Он был очень горд этим, т. к. большинство других детей ничего не получили[45]. Так проходил учебный процесс и в других воскресных школах.

Необходимость в воскресных школах объяснялась духовенством низким качеством преподавания Слова Божьего в народных школах. Свою позицию по данному вопросу они обрисовали в статье *Pyhäkoulu ja kansakoulu* («Воскресная школа и народная школа»), опубликованной в 1910 г. В ней редакторы объясняли читателям, зачем при существовании народных школ нужны еще и воскресные, защищая их право на существование. Они считали, что политика назначения русских учителей в финские школы отрицательно сказывается на культуре подрастающих ингерманландцев и на их самосознании. К тому же тех учебных часов, которые выделялись на финский язык и Слово Божие, было явно недостаточно. В статье говорится: «Там, где преподавание религии в начальной школе в удовлетворительном положении, у учащихся отсутствует потребность идти в воскресную школу»[46]. Таким образом, воскресные школы стали альтернативной системой духовного образования на рубеже XIX–XX вв., позволив церкви сохранить хотя бы часть прежнего влияния на процесс воспитания и обучения детей ингерманландских финнов.

Формирующее идентичность влияние Лютеранской церкви, несомненно, выходило за рамки системы образования: его объектом становилось и взрослое население — например, через периодическую печать. Лютеранское духовенство не только участвовало в жизни финноязычных периодических изданий, но и создава-

45. Pönniö, M. (1979) «Muistelmia Lempaalan kouluoloista ja Pietarin opettajaseminaarista 20. vuosisadan alkuajoilta», *Inkeriläisten viesti* 12: 5.

46. «Pyhäkoulu ja kansakoulu», *Inkeri*. 21. 27.05.1910.

ло их. Более того, представители церкви приняли участие в учреждении всей финской периодики Петербурга XIX в. Первая газета, *Pietarin sanomat* (Петербургские известия), стала выходить в 1870 г. Ее выпуск организовал магистр Иохан Август Хагман, приехавший из Выборга, где он редактировал газету *Ilmarinen*[47]. В каждом номере *Pietarin sanomat*, помимо новостей, печатались стихи и рассказы на литературном финском языке.

Инициатива И. Хагмана привела к развитию печатного дела на финском языке в Санкт-Петербурге. Уже через год, с 1871 г., стала выходить другая финская газета — *Pietarin sunnuntailehti* (Петербургская воскресная газета), основателем которой был пробст И. Х. Эквист. Она стала первой религиозной газетой на финском языке, выпускавшейся в Петербурге. В 1874 г. начался выпуск *Pietarin lehti* (Петербургская газета). В 1879–1883 гг. выходила газета *Pietarin viikkosanomat* (Петербургские недельные известия)[48].

Но настоящим проводником интересов Евангелическо-лютеранской церкви стала газета *Inkeri*, созданная в 1884 г. С момента своего основания и до закрытия в 1917 г. *Inkeri* освещала многие религиозные вопросы, в своих публикациях подчеркивая христианское основание ингерманландской культуры. В самом начале своей истории, в номере 35 за 1884 г. на первой странице публикуется статья *Uskonto ja siveellisyys* («Религия и нравственность»). Основная идея статьи выражалась в тезисе: «Нравственность есть плод веры, а вера для нравственности — корень и основа»[49].

Более тридцати лет священнослужители и интеллигенты публиковали на страницах *Inkeri* материалы о событиях и сюжетах, которые, по их мнению, волновали ингерманландцев: историю Ингерманландии, финские руны, новости сельской жизни, стенограммы конференций ингерманландских учителей, рецепты национальной кухни и т. д. Газета стала неотъемлемым компонентом этнокультурного развития ингерманландских финнов. Благодаря *Inkeri* интеллигенты создавали внутренние информационные связи, объединяя ингерманландские приходы в одно целое.

Кроме сферы образования и массовой печати пристального внимания заслуживают национальные певческие праздники ингерманландских финнов, проводимые с конца XIX в. Первый

47. *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. С. 49–50.

48. *Inkeri* 1. 03.01.1884.

49. «Uskonto ja siveellisyys», *Inkeri* 35. 01.05.1884.

праздник был организован и проведен в 1899 г. в Скворицах[50]. До 1917 г. были проведены еще пять праздников. Эти мероприятия давали возможность людям из разных приходов увидеть друг друга и осознать свое единство. Они не только пели, но и общались, обмениваясь информацией, влиявшей на их понимание себя и «своих». Подобная коллективная репрезентация была совершенно законна, т. к. в Наказе духовенству и начальствам Евангелическо-лютеранской церкви в России священнослужителям вменялась в обязанность популяризация пения среди паствы[51].

Материалы данного исследования позволяют положительно ответить на вопрос об участии Евангелическо-лютеранской церкви в создании условий для этнической самоидентификации ингерманландских финнов, для популяризации «ингерманландскости». Желая упрочить позиции лютеранства, священники реализовывали инициативы, непосредственным образом связанные с самоидентификацией индивидов, находившихся под их влиянием. Их деятельность строилась на нормативно-правовом основании, созданном в начале второй четверти XIX в. в виде Устава церкви. Устав, имевший статус закона империи, учреждал Евангелическо-лютеранскую церковь как организацию, но главное — регламентировал роль пасторов и вводил им в обязанность контроль над жизнью и сознанием прихожан. Пасторы, добросовестно исполняя собственные обязанности, одновременно способствовали становлению ингерманландской идентичности.

Библиография/References

Архивные источники

Российский государственный исторический архив.

Ф. 821 Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Ф. 34 Евангелическо-лютеранская кирка св. Иоанна в дер. Кайбалово Царскосельского уезда. 1774–1918 гг.

Нормативно-правовые акты

Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России; Наказ духовенству и начальствам Евангелическо-лютеранской церкви в России; Указ Правительствующему сенату: [Утв. 28 дек. 1832 г.]. СПб., 1832.

50. *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. С. 50.

51. Наказ духовенству и начальствам Евангелическо-лютеранской церкви в России. СПб., 1832. С. 54 (об.).

Литература

Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЕН, Мысль, Социум, 2010.

Казьмина О. Е., Шлыгина Н. В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 107–116.

Каранов Д. П. Культурное развитие ингерманландских финнов на рубеже XIX–XX вв.: факторы этнокультурного роста // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 153 (1). С. 7–14.

Каранов Д. П. Роль интеллигенции в этнокультурном развитии ингерманландских финнов и особенности ее формирования // Интеллигенция и мир. 2014. № 3. С. 42–55.

Курило О. В. Очерк по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1996.

Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веков. Кишинев; СПб.: Nestor-Historia, 2001.

Пассек В. Очерки России. Книга 5. М: 1842.

Прибалтийско-финские народы России/Под. ред. Е. И. Клементьева и Н. В. Шлыгиной. М.: Наука, 2004.

Риехкалайнен Ю. Ингерманландские финны. История и судьба. Петрозаводск: Периодика, 2009.

Сеппонен Э. Как в Санкт-Петербурге появился лютеранский епископ // Славянское лютеранство [http: //skatarina.ru/library/lutvros/spbep. htm, доступ от 14.03.2015].

Халтсонен С. Ингерманландские финские школы и этапы народного просвещения // История ингерманландских финнов/Под. ред. С. Халтсонена. СПб.: Полторак, 2010. С. 206–272.

Халтсонен С. Укрепление ингерманландской финской церкви в период 1800–1917// История ингерманландских финнов/Под. ред. С. Халтсонена. СПб.: Полторак, 2010. С. 166–206.

Чистяков А. Ю. Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 «История». 2004. Вып. 3–4. С. 109–119.

Benda, Zh. (2010) *Predatel'stvo intellektualov* [The Betrayal of the Intellectuals]. Moscow: IRISEN; Mysl'; Sotsium.

Chistiakov, A. (2004) «Liuteranskaia tserkov' i formirovanie etnicheskoi kul'tury ingermanlandskikh finnov v XIX–XX vv». [Lutheran Church and the formation of ethnic culture of Ingrian Finns in the 19th — 20th centuries], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriia 2 «Istoriia». Vyp. 3–4: 109–119.

Forsius, A. «Zacharias Cygnaeus (1763–1830) — piispa, hallintomies ja kulttuurihenkilö» [Zacharias Cygnaeus (1763–1830) — a bishop, an administrator, and a man of culture] [http://www.saunalahti.fi/arnoldus/cygnaeus. html, accessed on 14.03.2015].

Inkeri 1. 03.01.1884.

Karanov, D. (2012) «Kul'turnoe razvitie ingermanlandskikh finnov na rubezhe XIX–XX vv.: faktory etnokul'turnogo rosta» [The Cultural Development of the Ingrian Finns at the Turn of 19th — 20th Centuries: Ethno-cultural Factors of Growth], *Izvestiia* RGPU *im. A.* I. *Gertsena* 153 (1): 7–14.

Karanov, D. (2014) «Rol' intelligentsii v etnokul'turnom razvitii ingermanlandskikh finnov i osobennosti ee formirovaniia» [The role of intelligentsia in ethno-cultural devel-

opment of the Ingermanlandian Finns and features of its formation], *Intelligentsia i mir* 3: 42–55.

Kaz'mina, O. and Shlygina, N. (1999) «Evangelichesko-liuteranskaia tserkov' Ingrii i ee rol' v zhizni finnov-ingermanlandtsev» [The Ingrian Evangelical Lutheran Church and its role in the life of Ingrian Finns], *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 107–116.

Klement'ev, E. and Shlygina, N. (eds) (2004) *Pribaltiisko-finskie narody Rossii* [Baltic and Finish nations in Russia]. Moscow: Nauka.

Khaltsonen, S. (2010) «Ingermanlandskie finskie shkoly i etapy narodnogo prosveshcheniia» [Ingrian Finnish schools and stages of public education], in S. Khaltsonen (ed.) *Istoriia ingermanlandskikh finnov*, pp. 206–272. Saint-Petersburg: Poltorak.

Khaltsonen, S. (2010) «Ukreplenie ingermanlandskoi finskoi tserkvi v period 1800–1917» [Strengthening Ingrian Finnish church during 1800–1917], in S. Khaltsonen (ed.) *Istoriia ingermanlandskikh finnov*, pp. 166–206. Saint-Petersburg: Poltorak.

Kurilo, O.V. (1996) *Ocherk po istorii liuteran v Rossii (*XVI–XX *vv.)* [An Essay of the history of the Lutherans in Russia (XVI–XX centuries)]. Moscow: IEA RAN.

Matley, I. (1979) «The Dispersal of the Ingrian Finns», *Slavic Review* 38 (1): 1–16.

Musaev, V.I. (2001) *Politicheskaia istoriia Ingermanlandii v kontse* XIX–XX *vekov* [Ingrian political history at the end of XXth — XXth centuries]. Kishinev, Saint-Petersburg: Nestor-Historia.

Mustonen, J. (1938) «Pyhäkoulut Inkerissä» [Ingrian Sunday schools], *Suomalainen Inkeri:* 30–31.

Passek, V. (1842) *Ocherki Rossii* [Essays about Russia]. Kniga 5. Moscow.

«Pyhäkoulu ja kansakoulu» [Sunday schools and nation schools], *Inkeri* 21, 27.05.1910.

Pönniö, M. (1979) «Muistelmia Lempaalan kouluoloista ja Pietarin opettajaseminaarista 20. vuosisadan alkuajoilta» [Memoirs of Lempaala school conditions and the St. Petersburg teacher seminar of the 20th century from the early days], *Inkeriläisten viesti* 12: 4–5, 7.

Riekhkalainen, Iu. (2009) *Ingermanlandskie finny. Istoriia i sud'ba* [The Ingrian Finns. History and destiny]. Petrozavodsk: Periodika.

Sepponen, E. «Kak v Sankt-Peterburge poiavilsia liuteranskii episkop» [How a Lutheran bishop appeared in St. Petersburg], *Slavianskoe liuteranstvo* [http://skatarina.ru/library/lutvros/spbep. htm, accessed on 14.03.2015].

Sihvo, P. (1991) «Savakoita, äyrämöisiä, inkerikoita» [Savaks, aurymoises, izhora], in P. Nevalainen and H. Sihvo (eds) *Inkeri: historia, kansa, kulttuuri*, pp. 179–198. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.

Tynni, K. (ed.) (1913) *Kolppanan seminaari 1863–1913* [Kolpan seminary 1863–1913]. Viipuri: Karjalan kirjapaino O. –Y.

«Uskonto ja siveellisyys» [Religion and Morality], *Inkeri* 35, 01.05.1884.